

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/76/10

**Е.П. Ковалевский и И.С. Тургенев:
от личных взаимоотношений к творческим связям**

**Елена Владимировна Александрова¹,
Эмма Михайловна Жилиякова²**

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *alexandrova.aulena@yandex.ru*

² *emmaluk@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются личные и творческие контакты Е.П. Ковалевского и И.С. Тургенева. Писателей связывали деятельность в Литературном фонде, общность взглядов на национально-освободительное движение, близость эстетических воззрений. Литературные связи анализируются на примере очерков Е.П. Ковалевского «Путевые записки о славянских землях» и романа Тургенева «Накануне».

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Е.П. Ковалевский, «Накануне», Литературный фонд, восточный вопрос, «Путевые записки о славянских землях»

Для цитирования: Александрова Е.В., Жилиякова Э.М. Е.П. Ковалевский и И.С. Тургенев: от личных взаимоотношений к творческим связям // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 230–246. doi: 10.17223/19986645/76/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/10

**Yegor Kovalevsky and Ivan Turgenev: From personal relationships
to creative connections**

Elena V. Aleksandrova¹, Emma M. Zhilyakova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *alexandrova.aulena@yandex.ru*

² *emmaluk@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the social and literary relationships between Ivan Turgenev and Yegor Kovalevsky. The personal relationships between the writers are analyzed on the material of the Turgenev's and his contemporaries' epistolary, as well as their joint activities for the establishment and work of the Literary Fund. Turgenev's correspondence is examined from the perspective of Kovalevsky's mentions in it. The nature of the messages demonstrates mutual fondness, common

aesthetic views. In addition, Turgenev was interested in Kovalevsky as an intermediary in solving literary and publishing issues, such as assisting *Sovremennik* in its relations with the censorship (the publication of the story “Mumu”, the release of the second edition of *A Sportsman's Sketches*). The nature of the literary ties between Turgenev and Kovalevsky is studied on the example of the novel *On the Eve* and *Travel Notes about the Slavic Lands*. The similarity of views on the national liberation movement, the typological closeness of narrative details and entire episodes, and sometimes their almost literal coincidence allow us to consider the works of the two authors more objectively from the point of view of artistic and aesthetic parallels. The subject of Kovalevsky's description in his essays on the Eastern question (“Life and death of the last ruler of Montenegro”, “Three chapters from the political and military history of 1853, 1854 and 1855”) is the struggle of the Slavic peoples against the oppression of Turkish rule. Turgenev highlights the same problem through the image of Insarov in *On the Eve*. His interest in the national liberation movement of the Bulgarian people during the creation of the novel was caused by the Italian events of 1859 (the struggle of Garibaldi and the Italian people against Austrian rule) and the Eastern War between Russia and Turkey, which began in 1853. Turgenev could rely on some of Kovalevsky's plot details, on the description of real events which he witnessed during the period of participation in the Danube Campaign and the Crimean War. Of particular interest is the development of the Italian theme in Kovalevsky's works as a continuation of Turgenev's idea of the woman's role in the struggle for the homeland independence (“An episode from the war of the Montenegrins with the Austrians. From the memoirs of an eyewitness about Montenegro's and Italy's wars of independence”). A special point of the study is the comparison of landscape sketches and moments of perception by the characters (Turgenev) and the narrator (Kovalevsky) of painting art and theater art, which allows us to further substantiate the problem of artistic and aesthetic interaction or intersection between the two authors.

Keywords: Ivan Turgenev, Yegor Kovalevsky, *On the Eve*, Literary Fund, Eastern question, *Travel Notes about the Slavic Lands*

For citation: Aleksandrova, E.V. & Zhilyakova, E.M. (2022) Yegor Kovalevsky and Ivan Turgenev: From personal relationships to creative connections. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 230–246. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/10

Личное знакомство с И.С. Тургеневым, уже прославленным автором «Записок охотника», произошло у Е.П. Ковалевского в середине 1850-х гг. Последний после участия в обороне Севастополя поселился в Петербурге, где сблизился с обществом столичных литераторов и вошел в круг «Современника». В этом журнале ещё до Крымской войны были отрывочно напечатаны несколько путевых очерков Ковалевского, события которых протекали в Египте, Восточном Судане и Западной Эфиопии. Статьи «Из путешествия во Внутреннюю Африку. Большая Нубийская пустыня» (1848 г., т. XII) и «От Большой Нубийской пустыни до соединения Белого с Голубым. Каргум и Сеннар» (1849 г., т. XIII) были заказаны уже известному в то время путешественнику¹ самим редактором. В письме от 14 де-

¹ В предисловии к публикации редакция отмечала: «Всякий, кто читал первые книги “Странствователя по суше и морям”, имевшие такой блестящий и вполне заслужен-

кабря 1848 г. Н.А. Некрасов даёт высокую оценку первой статье и надеется получить продолжение: «Ваша статья прекрасна и чрезвычайно всем нравится. Все жалеют, что только мало. Нужно ещё» [2. С. 114].

Тургенев, как один из «главных членов кружка» [3. С. VII], вошедших в «Современник» в 1846 г., в это время был активным участником издания: в период с 1847 по 1851 г. он публиковал в журнале повести и стихи, очерки, вёл хронику, выступая как писатель и критик. Он не мог не знать имени Ковалевского, к тому же отмеченного похвальным словом В.Г. Белинского. Но если с Некрасовым «странствователь» уже был знаком довольно коротко («Я на днях постараюсь быть у вас», – писал Некрасов Ковалевскому в приводимом выше письме) [2. С. 114], то о личном знакомстве с Тургеньевым в этот период ничего не известно.

Первое упоминание имени Ковалевского в тургеньевском эпистолярном отношении относится к 9 мая 1856 г.: в письме к Л.Л. Добровольскому он назван «мой знакомый, генерал Ковалевский» [4. Т. 3. С. 87]. Уже «знакомый», следовательно, личная встреча состоялась несколько раньше. А.В. Дружинин 23 ноября 1855 г. записал в своём дневнике: «Вчера обедал у Некрасова с новыми весьма интересными лицами: туристом Ковалевским и Л.Н. Толстым. Оба из Севастополя. I like both» [5. С. 355]. Больше года спустя, 18 февраля 1857 г., он там же отмечал: «...в среду на моём вечере было много хорошего народа, Ковалевский между прочим» [5. С. 403]. Присутствие Ковалевского на обедах литераторов подтверждает и А.А. Фет: «Литературный кружок, к которому принадлежал и Д.В. Григорович, и мой университетский товарищ Я.П. Полонский, и генерал-майор Е.П. Ковалевский, путешественник по Малой Азии, Египту, Нубии и Абиссинии, – собирался не у одного Некрасова» [6. С. 36].

В письмах Тургеньеву Некрасов называет Ковалевского «милейший генерал», говорит, что собирается жить с ним вместе на даче в Ориенбауме и разбирает повесть Толстого «Два гусара» («Мы с Ковалевским слышали много хороших о ней отзывов») [7. С. 438–439]. В обоюдной переписке они обсуждают и характер «милейшего генерала»: «...не поддавайся в этом отношении влиянию Ковалевского – он способен заразить хандрою статуя», – пишет Тургеньев Некрасову 16 июня 1856 г. [7. С. 442], что говорит о достаточно коротком знакомстве двух литераторов.

Эта же мысль о хандрящем Ковалевском звучит и в уже приводимых воспоминаниях Фета: «В нашем шумном и весёлом кружке особенно выделялся своей молчаливостью и бледностью, в то время уже седой, генерал-майор Егор Петрович Ковалевский... Он, очевидно, мучительно хандрит, сквозь эту хандру каждому слышалась бесконечная доброта этого человека» [6. С. 128]. В том же направлении мысли 29 сентября 1856 г. писал Тургеньеву Е.Я. Колбасин: «Ковалевский мрачен, как буря; воображаю, как весело его подчиненным!» [3. С. 277].

ный успех в русской публике, – согласится, что г. Ковалевский мастер рассказывать свои путевые наблюдения и впечатления живо и необыкновенно увлекательно» [1].

Б.А. Вальская в статье «Путешественник Е.П. Ковалевский и петербургские литераторы (1848–1860 гг.)» объясняет такое душевное состояние путешественника пережитыми событиями на Балканах и в Севастополе, что воспринималось им «как личная трагедия» [8. С. 10]. Этим обстоятельствам военной кампании Ковалевский посвятил два опубликованных в «Современнике» очерка: «Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие затем события» (1854) и «Бомбардирование Севастополя. Из второй части “Истории войн 1853, 1854 и 1855 годов”» (1856).

Из переписки Тургенева 1857–1868 гг. очевидно, что дружеские отношения с Ковалевским продолжались до самой смерти последнего. На протяжении указанного десятилетия его имя нередко встречается на страницах тургеневских писем к самым разным адресатам: Н.А. Некрасову, А.В. Дружинину, П.В. Анненкову, Н.А. Основскому, М.В. Авдееву, М.Н. Каткову, В.П. Боткину, П. Виардо.

Переписка же Тургенева с самим Ковалевским берет свое начало в сентябре 1858 г. Известны 12 писем Тургенева к Ковалевскому, ответные же не сохранились или не найдены (кроме официальных, из архива Литфонда). Характер посланий демонстрирует взаимное расположение, общность литературных вкусов, заинтересованность Тургенева в Ковалевском в качестве посредника в решении вопросов разного характера.

О постоянстве их взаимоотношений свидетельствуют нередкие приглашения на совместные обеды литераторов («...извещаю о предстоящем обеде, и мы будем Вас ждать безотговорочно») [4. Т. 4. С. 17] и периодически возникающее желание личной встречи («Надеюсь увидеть Вас в начале ноября – зиму я проживаю в Петербурге»), а также сожаления по поводу того, что увидеться не удалось («Мне очень было досадно, что я не видел Вас перед отъездом из Содена») [4. Т. 4. С. 216]. В письмах к Ковалевскому находят отражение и моменты личного характера, например тургеневское сочувствие относительно слабости путешественника к азартным играм («...желаю Вам отличного лечения и самой слабой игры»), что, конечно, говорит о тесноте взаимного общения, и даже там, где речь идет о делах более или менее официальных, писатель не избегает шутливых пассажей в начале: «...нагло пользуюсь Вашей любезностью и посылаю Вам золотое перо на обмен Вашего, хорошего» [4. Т. 4. С. 186].

В большинстве случаев Тургенев пишет к нему как к влиятельному лицу – директору Азиатского департамента и одновременно брату министра народного просвещения Евграфа Ковалевского, излагая просьбы, касающиеся до частных лиц (в том числе чиновников) и литературно-общественных предприятий (о разрешении «Московского вестника»). К числу таких примеров принадлежит и содействие в публикации повести «Муму», а также помощь во втором издании «Записок охотника».

Совершенно очевидно, что литература имела определяющее значение в атмосфере дружеских контактов Ковалевского и Тургенева. Не случайно путешественник был допущен в круг тех лиц, что являлись первыми слушателями тургеневских произведений (например, романа «Дым»). Большую роль в лич-

ном сближении играли и совместные усилия по устройению¹ Литературного фонда² (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым), председателем которого Ковалевский бессменно состоял до самой своей кончины [9].

Однако взаимоотношения Тургенева и Ковалевского достойны пристального внимания не только с точки зрения их общего участия в общественно-литературной жизни России. Вызывают интерес совершенно конкретные творческие связи двух писателей, к которым впервые обратилась Б.А. Вальская, избрав центром сопоставления роман Тургенева «Накануне» (1860) и тему национально-освободительного движения болгарского народа. В качестве одного из источников, «которым Тургенев вдохновлялся» во время создания романа, ученый называет «Путевые заметки о славянских землях» и «другие статьи Е.П. Ковалевского» [10. С. 238]. «Другие статьи» – это посвященные событиям на Балканах «Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события» («Современник», 1854), «Три главы из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов» («Отечественные записки», 1856) и «Путевые заметки о славянских землях» («Русская беседа», 1858–1859). С последней статьей Тургенев был знаком очень хорошо, о чем свидетельствует его письмо начала 1859 г., в котором он пишет: «Любезнейший Егор Петрович, посылаю Вам Вашу статью, которая очень и очень хороша – поверьте мне – но если Вы желаете знать, что именно я нашел в ней менее удачного, – то приходите завтра ко мне обедать» [4. Т. 4. С. 25]. Речь идёт о второй части произведения, к тому времени ещё не опубликованной. К тому же в личной библиотеке Тургенева были номера журнала «Русская беседа» этих лет.

Из переписки Тургенева понятно, что и ещё одна статья Ковалевского была предметом его чтения и последующего обсуждения. Е.Я. Колбасин в письме от 2 декабря 1856 г. сообщает писателю по поводу содержания очередного выпуска «Отечественных записок»: «Другая лучшая вещь этой книжки “Три главы из военной истории 1853, 54 и 55 гг.” Ковалевского. Толстой в отчаянии, что эта вещь попала к Андриасу, говорит, что Ковалевский сказал ему: “Да что же делать, Некрасова нет, Панаева я не люблю, ну я и отдал Краевскому”» [3. С. 303].

Таким образом, о борьбе славянских народов за свободу и независимость Тургенев узнавал из доступных и вполне официальных печатных источников, кроме того, читательское восприятие дополнялось у него впечатлениями от бесед с непосредственным участником военных действий

¹ Собрание учредителей Литературного фонда состоялось 14 февраля 1859 г., на нем присутствовали Е.П. Ковалевский, И.С. Тургенев, П.В. Анненков, С.С. Дудышкин, Н.Г. Чернышевский, А.В. Дружинин, А.П. Заблоцкий, А.Д. Галахов, А.В. Никитенко, К.Д. Кавелин и А.А. Краевский. Тогда же был подписан проект устава Общества. Однако окончательные выборы членов комитета произошли лишь в конце года – 20 ноября, при этом Тургенев был избран членом комитета заочно, так как находился в это время в Спасском [3. Т. 4. С. 375].

² О деятельности И.С. Тургенева см.: [8].

на Балканах, свидетелем освободительного движения славян и их прямым защитником. В разговорах с Тургеневым Ковалевский, конечно, передавал свои переживания по поводу всего увиденного и служил писателю чуть ли не основным достоверным источником происходящего на Балканском полуострове. Косвенным подтверждением тому служат последние строки «Путевых заметок...», где автор говорит: «...случалось мне рассказывать двум-трем приятелям некоторые события этой войны. Один из них так увлекся, что обещал включить их в какой-нибудь из своих рассказов, – тогда, я уверен, под его творческим пером восстанут эти живые образы, полные простоты и всесокрушающей силы духа, и потребуют отчета у людей, принесших их в жертву каких-то мнимых политических расчетов» [11. С. 148]. Вероятно, «некоторые события» нашли отражение именно в «рассказе» Тургенева – на тех страницах романа «Накануне», что посвящены образу Инсарова и его национально-освободительной идее.

В статьях-очерках Ковалевского, посвящённых восточному вопросу, главным предметом описания становятся славянские народы и их борьба против гнёта турецкого владычества. Эта же борьба составляет основу жизни болгарина Инсарова, заложенную в самом его детстве, – Тургенев лаконично излагает историю гибели родителей героя, объясняющую причину его ненависти к туркам. Тургеневский лаконизм произрастал из многочисленных, детализированных и эмоционально окрашенных примеров жестокости по отношению к славянам, запечатлённых в очерках Ковалевского.

И.С. Тургенев

...Ужасное злодеяние: мать Инсарова вдруг пропала без вести; через неделю ее нашли зарезанною... Ходили слухи, что ее похитил и убил турецкий ага; ее муж, отец Инсарова, дознался правды, хотел отомстить, но он только ранил кинжалом агу... Его расстреляли. – Расстреляли? Без суда? – Да. Инсарову в то время пошел восьмой год. Он остался на руках у соседей¹ [12. Т. 6. С. 199].
Он говорил, не спеша, о турках, об их притеснениях, о горе и бедствиях своих сограждан, об их надеждах [12. Т. 6. С. 203].
...У нас всё отняли, всё: наши церкви, наши права, наши земли; как стадо гоняют нас поганые турки, нас режут... [12. Т. 6. С. 213–214].

Е.П. Ковалевский

...Кто думает, что в Турции закон имеет какую-либо обязательную силу, что это не совсем мертвые буквы, тот, значит, вовсе не знает Турции («Путевые записки о славянских землях») [11. С. 141].
...В 1855 году, когда фанатизм в здешнем крае производил ужасы, достойные других времен, сам губернатор Подгорицы <...>, Али-Спаги, с толпою мусульман напал на церковь, взял ее с бою, разрушил до основания, перебил всех людей запершихся в ней, – не удовольствовался этим – разрыл кладбища, отрубил головы у мертвых тел и разослал их по всем окрестностям, приказав выставить у въездов в деревни [11. С. 146].

¹ Здесь и далее во всех цитатах курсив и полужирные начертания принадлежат нам. – Е.А., Э.Ж. Полужирные начертания применяются с целью выделения тексто-смысловых переключек между двумя авторами.

Героями очерков Ковалевского в основном были черногорцы. Эту страну он знал очень хорошо, трижды был в ней с разными миссиями. Но примеры жестокого обращения со славянами, в частности болгарами, были описаны в статье «Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах»: «Болгары, узнавшие об отступлении нашем из-под Силистрии <...> стекались в лагерь, умоляя командующих отдельными частями позволить им удалиться со всем своим имуществом за русскими войсками, на левый берег Дуная. Оставить их на месте, значило не только предать совершенному разграблению, но и зверской мести турок за преданность их России» [13. С. 115].

Скупые слова Инсарова, за которыми скрываются боль и ненависть болгарина, словно прямо вытекают из очерков Ковалевского: «...какая совершалась перемена в Инсарове при одном упоминении его родины: не то чтобы лицо его разгоралось или голос возвышался – нет! Но всё существо его как будто крепло и стремилось вперед, очертание губ обозначалось резче и неумолимее, а в глубине глаз загорался какой-то глухой, неугасимый огонь» [12. Т. 6. С. 203].

Объединяет Тургенева и Ковалевского и авторское отношение к национальному колориту – славянским языкам, песням, фольклору. У Тургенева, по его собственному признанию, даже был период, когда он «с ума сходил от народных песен» и имел у себя «переводы сербских, мадьярских, финских и других песен» [4. Т. 2. С. 301]. Своего героя писатель наделил страстным и деятельным интересом по отношению к языковой составляющей его национальной культуры: Инсаров «переводил болгарские песни и летописи, собирал материалы о восточном вопросе, составлял русскую грамматику для болгар, болгарскую для русских» [12. Т. 6. С. 202]. «Русский должен знать все славянские наречия», – говорит он Елене [12. Т. 6. С. 214]. Ковалевский, действуя в том же направлении, выражает беспокойство по поводу засилья иностранных языков («Владычество Венеции и потом Австрии») и полное забвение славянских наречий: «...сам язык славянский вы редко услышите; господствующий – итальянский, который теперь силятся заменить немецким. Славянские письмена, везде, где только можно, заменяются латинскими» [11. С. 111].

Обращение к народным песням как к способу лирического воссоздания национальной самобытности Ковалевский использует во многих своих произведениях, начиная с книги о путешествии в Черногорию (1841):

История здешнего края начертана в песнях, сохранена в земле и на земле [11. С. 42].

Никогда не забуду я, какое впечатление произвела на меня однажды простая сербская песня [11. С. 104].

Особенно примечателен отрывок, в котором автор представляет исполнение молодым черногорцем песни («длинной, исторической баллады») о «герое Славянства Милоше Обиличе»:

Певец начал. Его лицо, полное благородства, но холодное, вспыхнуло жизнью; смущение придало ему более красоты; он пел, сопровождая

напев гуслями, и все внимало, никто не шелохнулся, чубуки оставались еще в сомкнутых устах, но они не дымились и давно остыли; на лицах слушателей можно было разгадывать смысл песни, так сильно, так видимо отражались на них порывы волнуемой страстью души [11. С. 42].

Эта сцена, рисующая отклик и единый порыв человеческой души на звуки национальных мотивов, находится в почти прямом соотношении с явленным в рассказе «Певцы» пением Яшки-Турока, в котором сказала «русская, правдивая, горячая душа» [12. Т. 3. С. 222]. Черты сходства с черногорским исполнителем обнаруживают себя и в Инсарове, когда тот восторженно говорит о Болгарии: *... всё существо его как будто крепло и стремилось вперед, очертание губ обозначалось резче и неумолиме, а в глубине глаз зажегся какой-то глухой, неугасимый огонь* [12. Т. 6. С. 42].

Исторический контекст романа «Накануне» связан с началом в 1853 г. Восточной войны между Россией и Турцией, что и вызвало подъём национально-освободительного движения славянских народов. Главному герою так и не удалось принять непосредственное участие в борьбе за независимость Болгарии, но восприятие им (как и повествователем) событий на Балканах очень близко, а иногда и практически совпадает с восприятием Ковалевского:

И.С. Тургенев

Война уже кипела на Дунае; Англия и Франция объявили России войну, все славянские земли волновались и готовились к восстанию [12. Т. 6. С. 284].
События быстро развивались на Востоке; занятие княжеств русскими войсками волновало все умы; гроза росла, слышалось уже веяние близкой, неминуемой войны. Кругом занимался пожар, и никто не мог предвидеть, куда он пойдет, где остановится; старые обиды, давние надежды – всё зашевелилось [12. Т. 6. С. 250].

Е.П. Ковалевский

Война гремела на Дунае. Европа шла против нас; Австрия вооружалась. <...> Западная часть Турции от княжества Сербского до королевства Греческого подымалась из-под тяжкого гнета («Путевые записки о славянских землях») [11. С. 147].

Вся Фессалия, часть Македонии, Боснии, Герцеговины, Албания взволновались. Народ глухо зашумел, как море перед бурей, и буря разразилась внезапно, когда менее всего ее ожидали, когда сам народ не был приготовлен к ней. Только тогда, когда надо было драться, увидели, что не было ни пороха, ни свинцу, и на первых порах дрались чем ни попало, повсюду одерживая верх над неприятелем, – так силен был порыв народа, такой панический страх объял турок [11. С. 147].

В этих отрывках кроме явного текстового сходства очевидно и стилистическое, к которому можно отнести развернутое сравнение (народное восстание как грозная неуправляемая стихия: *гроза росла – буря разразилась; занимался пожар – зашумел как море*), где обильно используются средства экспрессии и олицетворения (*Война кипела, земли волновались – Война гремела, взволновались*).

И у Тургенева и у Ковалевского в тексте герои выражают одну и ту же готовность единения ради общего дела, стремление к свободе и независимости, способное под одним знаменем собрать разные сословия в готовности принести личную жертву:

И.С. Тургенев
...Последний мужик, последний нищий в Болгарии и я – мы желаем одного и того же. У всех у нас одна цель. Поймите, какую это дает уверенность и крепость! [12. Т. 6. С. 214].

Е.П. Ковалевский
...Они готовы пожертвовать своим достоянием, которое с таким трудом нажили, чтобы доставить средства для дела общего. Надо было видеть их энтузиазм в столь памятный для всех, преданных своей вере и своей истории, 1853 год! [11. С. 99].

В этом контексте особенно впечатляет описанный Ковалевским эпизод, связанный с тем, как обыкновенные рыбаки с готовностью внесли свою лепту в общее дело, отдав единственное средство собственного существования. Тургенев прочитывает эту деталь повествования очень внимательно и включает ее явным пунктиром в свой роман:

И.С. Тургенев
Слышала ты, Елена <...> говорят, бедные далматские рыбаки пожертвовали своими свинчатками, – ты знаешь, этими тяжестями, от которых невода на дно опускаются, – на пули! Денег у них не было, они только и живут что рыбною ловлей; но они с радостью отдали своё последнее достояние и голодают теперь. Что за народ! [12. Т. 6. С. 284].

Е.П. Ковалевский
Узнавши, что в Жабляке расстреляли весь свинец и что черногорцы распилили одно орудие, чтобы металлом его заряжать другие, пастровичане, по занятию рыболовы как все жители побережья, сняли весь свинец, которым обыкновенно оторачивают сети, и отнесли его на подмогу в Жабляк [11. С. 95].

С историей самоотверженных жителей побережья связан и другой факт, также восходящий к очеркам Ковалевского, а именно его «Путевым заметкам». Приписывая подвиг именно далматским рыбакам, Тургенев вводит и конкретный образ, представляющий эту народность. Рендич, которого так ждал Инсаров, был далмат <...> человек суровый, грубый, смелый и преданный славянскому делу. Он презирал турок и ненавидел австрийцев [12. Т. 6. С. 296]. У Ковалевского две главы посвящены «добрым далматийцам-единоверцам». Дружба между русскими матросами и далматинцами «возникла скоро, со свойственным всем славянам увлечением, а общая церковь заключила их единокровный союз» [11. С. 104]. «При виде судьбы» этого народа, пишет Ковалевский, «отчужденного, подавленного, покинутого», «невольно сжимается сердце и недостает духу распространяться о внешней стороне их» [11. С. 111]. Тургенев, со свойственным ему лаконизмом, обрисовал характер героя лишь несколькими точными эпитетами, а упоминание турок и австрийцев, выражение презрения и ненависти к ним Рендича послужили сближению последнего с Инсаровым. Не слу-

чайно в одном эпизоде романа появляется австрийский офицер, который в гордом болгарине кровь «расшевелил своим криком, своими усами, своим картузом, всей своей наружностью», своим «надменным голосом» [12. Т. 6. С. 285].

Вкладывая в уста Инсарова и Рендича негативную оценку турок и австрийцев в связи с их политикой по отношению к славянам Европы, Тургенев таким образом высказывает и собственную точку зрения, действуя в объективной манере изображения. Голос же Ковалевского проявляет себя открыто, путешественник прямо высказывает свое осуждение в адрес угнетателей и выражает поддержку представителям славянских народов, полностью выдерживая очерковый стиль повествования.

До и после публикации «Накануне» образ Инсарова получил резкую критику в качестве национального типа. Зная роман еще в рукописи В.П. Боткин писал Фету (20 марта 1860 г.), что «несчастный Болгар решительно не удался; всепоглощающая любовь его к родине так слабо очерчена, что не возбуждает ни малейшего участия» [14. С. 844–845]. Н.А. Добролюбов позже посетовал на «бледность очертаний» Инсарова и неубедительность его идей, которые не способны «вызвать толпу подражателей» [15. С. 123]. Однако такая оценка по своему характеру неоднозначна и субъективна, поскольку она сложилась не столько от тургеневской «непривычки к политическим мотивам в художественном деле» (по словам Анненкова) [12. Т. 6. С. 436], сколько от того, что большей части русского общества были свойственны довольно смутные представления о национально-освободительном движении славян. Симптоматично, что в романе Тургенева отец Елены дважды называет Инсарова черногорцем: «Пора ей покинуть свои туманы, выйти из общества разных артистов, школяров и *каких-то черногорцев* и сделаться как все» [12. Т. 6. С. 246]. «За этим оборвышем, *черногорцем!* Дочь столбового дворянина Николая Стахова вышла за бродягу, за разночинца!» [12. Т. 6. С. 275]. Из всех славянских народов именно черногорцы были в какой-то мере на слуху, в том числе благодаря Ковалевскому, который открыл эти земли русским читателям. Для многих жителей России и сам славянский вопрос не был актуальным, на что писатель также ярко указывает через другой образ – матери Елены, Анны Васильевны, которой «Болгария представлялась чем-то вроде сибирских тундр» [12. Т. 6. С. 279].

Однако вместе с критикой «политической» стороны романа Боткин в письме к Фету пишет о том наслаждении, которое он получил от чтения «Накануне». Его особые симпатии вызвали тургеневское умение лиризации эпического материала, а также способность качественного развития даже второстепенных элементов повествования: «Я не знаю, есть ли в какой повести Тургенева столько поэтических подробностей, сколько их рассыпано в этой. Словно он сам чувствовал небрежность основных линий здания, и чтобы скрыть эту небрежность, а может быть и неопределенность фундаментальных линий, он обогатил их превосходнейшими деталями, как иногда делали строители готических церквей. Для меня эти поэ-

тические, истинно художественные подробности заставляют забывать о неясности целого. Какие озаряющие предметы эпитеты, да, солнечные эпитеты, неожиданные, вдруг раскрывающие внутренние перспективы предметов» [14. С. 844–845].

«Творческое перо» Тургенева Ковалевский ценит очень высоко, в его собственной очерковой прозе есть места, исполненные такой безыскусственной поэзии, что их можно поставить вслед за тургеневскими зарисовками. Эстетические взгляды двух писателей-современников во многом совпадали, что хорошо видно на вполне конкретных примерах, связанных с темой живописи и театра:

И.С. Тургенев

*К великому скандалу трех посетителей англичан, Елена хохотала до слез над святым Марком **Тинторета**, прыгающим с неба, как лягушка в воду, для спасения истязаемого раба; с своей стороны, Инсаров пришел в восторг от спины и икр того энергического мужа в зеленой хламиде, который стоит на первом плане **тициановского** «Вознесения» и воздымает руки вслед Мадонны; зато сама Мадонна – прекрасная, сильная женищина, спокойна и величественно стремящаяся в лоно бога-отца, – поразила и Инсарова и Елену; понравилась им также строгая и святая картина старика Чима да Конельяно [12. Т. 6. С. 286, 287].*

Е.П. Ковалевский

*Замечательнее всего в Заре – это картина, находящаяся в монастырской церкви Св. Марии, налево от входа: по словам одних, она работы **Тициана**, по словам других – **Тинторета**. Чьей бы, впрочем, кисти ни была картина, но она произвела на меня такое глубокое впечатление, какого я давно не испытывал. **Лицо Богоматери, проникнутое тихой грустью, самоотвержением и преданностью своей судьбе, – это соединение неба и земли, человеческого и божества, плоти и духа, – до того прекрасно, многозначительно и истинно, что вы не можете отвести от него глаз, оторвать мысли, пока наконец усталая голова невольно опускается** [11. С. 101–102].*

Упоминание одних и тех же художников, впечатления, производимого их картинами, конечно, описаны по-разному: Инсаров и Елена провоцируют скандал своим смехом, а повествователь у Ковалевского находится под глубоким эстетическим воздействием. Но каждый из авторов отдает должное образу Мадонны, так глубоко поразившему романских героев и путешественника.

Такой же интерес проявлен и к театру: у Тургенева в Венеции слушают оперу Дж. Верди «Травиата», а Ковалевский передает восприятие итальянской оперы в Заре. Описание манеры исполнения в романе («каждый кричал, во сколько хватало сил») [12. Т. 6. С. 287] и очерках («когда играет в трагедии, то, кажется, так и лезет с кулаками в партер») [11. С. 102], а также реакция публики – сперва холодная, а затем восторженная (у Тургенева) и изначально восхищенная (у Ковалевского) – все это дает авторам возможность высказать свою оценку. Ковалевский таким образом представляет небольшую зарисовку нравов Зары с явным ироническим звучанием, а под пером Тургенева партия Виолетты демонстрирует преображающую силу искусства.

Но совершенно особой поэзией, конечно, проникнуты у Тургенева пейзажи, в том числе романтные, и тут Ковалевский с собственными развернутыми и одушевленными картинами природы может выступить его достойным «учеником»:

И.С. Тургенев

*Карета быстро неслась то вдоль созревающих нив, где **воздух был душен и душист и отзывался хлебом**, то вдоль широких лугов, и внезапная их свежесть **била легкой волной по лицу. Небо словно дымилось по краям. Наконец выплыл месяц, тусклый и красный.***

*Заря уже занималась в небе, когда оба приятеля возвратились на свою квартиру. Солнце еще не вставало, но уже заиграл холодок, **седая роса** покрыла травы, и первые жаворонки звенели высоко-высоко в полусумрачной воздушной бездне, откуда, как **одинокий глаз**, смотрела крупная последняя звезда [12. Т. 6. С. 223].*

Е.П. Ковалевский

*Вечер был – каких бывает мало даже и здесь, в стране прекрасных вечеров. **Природа и душа** заодно вливали **радость благодатного воздуха**: полная луна всходила из-за снежного хребта и облекала вершину его в **таинственный** полусвет, между тем как отклон горы был задернут мраком. Давно не дышал я **воздухом долин**, и вот теперь передо мною развевалась одна из роскошнейших; орошаемая Зетой в самой середине, она **обнималась по краям**, у подошвы и скатов гор, деревеньками и отдельными избами, словно на диво им. Поля **ржи и кукурузы**, или, правильнее, гряды, так малы они были, колыхались **волной матового золота**; виноградник **зеленой тафтой** застилал небольшие возвышенности; смоквы черешни, мурвы и другие плодовые деревья сбегались в кусты, как бы желая **пощеголять** обилием своих плодов; только **роскошные** орешники стояли порознь, одиноко <...>. Едва скошенная **трава разливала запах**, нескошенная **пестрела** цветами [11. С. 41].*

Подвижное и раскрывающееся описание летнего вечера всё пронизано запахами и окрашено разными цветами. *Душный и душистый* воздух нив у Тургенева, который *отзывался хлебом*, и *благодатный* воздух долин у Ковалевского передают непосредственность человеческих ощущений во время пребывания в открытом и кажущемся бесконечным (*Небо словно дымилось по сторонам* – у Тургенева; *долина обнималась по краям* – у Ковалевского) природном пространстве. Эту устремленность в бескрайность утверждают «морские» сравнения (*била легкой волной* – Тургенев; *колыхались волной матового золота, застилал зелёной тафтой* – Ковалевский). При этом оба автора, не будучи маринистами, дают в своих текстах живое описание морской стихии:

И.С. Тургенев

*Адриатика катила перед ними свои мутно-синие волны; **они пенились, шипели, набегали и, скатываясь назад**, оставляли на песке мелкие раковины и обрывки морских трав [12. Т. 6. С. 284].*

Е.П. Ковалевский

*...безграничного моря, **то тихого и гладкого, как стекло, то бурного и пенящегося у своих берегов**, одинаково величавого и прекрасного... [11. С. 99].*

Близость эстетических воззрений Тургенева и Ковалевского очевидна. Но если мастерство признанного художника слова не подвергается сомнению, то творчество Ковалевского в этом плане обделено вниманием исследователей. Слова Боткина о тургеневском романе вполне могут быть применены и к «Славянским землям» Ковалевского: автора тоже по праву можно назвать «человеком с поэтическим чувством», которому можно простить все «математические недостатки за те сладкие ощущения, которые пробудят в душе <...> нежные, тонкие и грациозные детали» [14. С. 845]. Хотя в отношении «математики» Ковалевский был очень точен, стремясь к достоверности изложения всех приводимых им фактов.

Публикация «Накануне», безусловно, не могла пройти мимо внимания Ковалевского. И хотя нет никаких данных о том, как он отнесся к новому роману Тургенева, можно обнаружить несколько моментов опосредованного влияния последнего на прозу путешественника.

В 1864 г. в журнале братьев Достоевских «Эпоха» был опубликован «Эпизод из войны Черногорцев с австрийцами. Из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии». События разворачиваются в 1839 г. в период первого пребывания Ковалевского в Черногории, и подробно описан черногорско-австрийский конфликт, участие в котором сделало русского капитана национальным героем. Возвращение к событиям 25-летней давности не случайно. В подзаголовке подчёркивается: «Писано в 1864 г.» (а роман «Накануне» публиковался в 1860–1861 гг.) и указываются две страны, сражающиеся за независимость, – Черногория и Италия. Как известно, под впечатлением национально-освободительного движения в Италии находился и Тургенев в период создания романа. Итальянская тема прослеживается и в очерке Ковалевского, который приобретает новеллистический характер благодаря образу итальянского юноши, сражающегося на черногорской земле на стороне австрийцев: *...дикая воля немца <...> заставила его жертвовать своею жизнью за тех, кого он в душе своей ненавидел. Последняя просьба умирающего приводит Ковалевского в Италию – передать письма невесте и медальон матери. Оказавшись в Венеции спустя восемь месяцев после описываемых событий, Ковалевский говорит не о красоте города, а о политической атмосфере, царящей в нём: ...это было памятное для венецианцев время, когда знаменитая инструктория 1826 года тайной австрийской полиции <...> получила полное применение и развитие, когда главные деятели тайной полиции <...> наводили ужас на итальянцев* [11. С. 156–157].

Встреча с невестой итальянского юноши, портрет которой был в медальоне, не оправдала ожиданий повествователя. Но этот образ вызывает у читателя ряд неслучайных ассоциаций с образом Елены из романа Тургенева – не только в плане внешнего сходства, но и по той роли, которую будут играть героини в борьбе за независимость страны:

И.С. Тургенев

Ей недавно минул двадцатый год. Росту она была высокого, лицо имела бледное и смуглое, большие серые глаза под круглыми бровями, окруженные крошечными веснушками, лоб и нос совершенно прямые, сжатый рот и довольно острый подбородок. Ее темно-русская коса спускалась низко на тонкую шею. Во всем ее существе, в выражении лица, внимательном и немного пугливом, в ясном, но изменчивом взоре, в улыбке, как будто напряженной, в голосе, тихом и неровном, было что-то нервическое, электрическое, что-то порывистое и торопливое, словом что-то такое, что не могло всем нравиться, что даже отталкивало иных [12. Т. 6. С. 182].

Е.П. Ковалевский

На одной стороне его был портрет молодой, прелестной девушки, с русыми волосами и темно-голубыми глазами. Трудно было признать ее итальянское происхождение, если бы тонкие черты лица, черные брови и гордый, повелительный вид, который странно согласовался с ее ребяческой молодостью, не избличал его [11. С. 156].

...Девушка, которая живо напоминала мне знакомые черты портрета; она была очень хороша; руки, волосы и темные брови над темно-голубыми глазами свидетельствовали ее итальянско-немецкое происхождение; разгоревшееся лицо дышало жизнью [11. С. 157].

Судьба Елены в романе «Накануне» после смерти Инсарова неизвестна, но читатель не может сомневаться в том, что она продолжила дело своего мужа. Луиза Монти в первую встречу вызвала гнев повествователя предательством по отношению к памяти графа А-ни. *Переступая порог этого дома, я думал утешить скорбь живущих в нем, воспоминанием о том, кто погиб, и как погиб он, любящий страстно, с ее именем на устах; я думал вызвать на глаза те слезы, которые камнем лежат на сердце, и облегчить страдания осиротевшей невесты, и что нашел я?.. «Не прошло еще 8 месяцев!» – слова Гамлета к матери невольно пришли мне на память [11. С. 157].* Отсылка к Шекспиру и романтическое осмысление этих событий спустя некоторое время объясняют позицию повествователя: *Я оставил этот дом, пропитанный предательством и изменой, как полагал я в то время, хотя теперь я вижу во всем, что так сильно поразило меня тогда, обычный ход жизни, нормальное движение человеческого сердца. «Живи живой, тлей мертвый» [11. С. 158–159].* Последние строки напоминают не только о «Гамлете», но и являются реминисценцией стихотворения Е.А. Баратынского «Череп».

В первое посещение Венеции не состоялась встреча с матерью графа, но её роль в воплощении идеи Ковалевского значительна: *...я никак не мог себе вообразить, что судьба сведет меня опять с одним из главных лиц этой небольшой драмы, – и, Боже мой! Как различны были встреча наша и это расставание. Прошло десять с небольшим лет. Возвращение путешественника в город каналов произошло в 1848 г., и первые его впечатления были связаны с ощущением произошедших важных изменений: ...стены, здания остались те же; но что совершалось в тесных улицах, на широких каналах и площадях, совсем не походило на то, что я видел в прежний свой приезд в Венецию. Народ как будто преобразился, возмужал, вырос; уважая сам себя, он стал уважать других [11. С. 159].*

В разгар революционных событий 1848–1849 гг. в Ломбардии и Венеции Ковалевский показывает пример самоотверженности в борьбе за неза-

висимость Италии на примере женских образов. Один из них – графиня А-ни, мать погибшего юноши, посвятила свою жизнь борьбе за независимость. Даже встречу с очевидцем гибели её сына она объясняет, оправдываясь: *...не вся еще отдалась нашему великому делу и подаю вам дурной пример собой; но будьте покойны, я немного минут посвящу для них и, верьте, это последние минуты, что я отняла от своего служения родине* [11. С. 161].

Второй образ, удививший писателя, названная дочь графини, её соратница, отстаивающая те же принципы свободы, теперь неразделимо связанные с гибелью ее жениха: *Вот что! Как же это понять? Она, Монти, невеста, так равнодушно услышала весть о смерти своего жениха, и потом жена, баронесса Дитерейхс, по прошествии нескольких лет, страстно влюбилась в память покойного и счастлива тем, что носит его имя...*

Объяснение такой метаморфозе – в словах случайного итальянца, того «приветливого господина», что указал путешественнику на графиню А-ни: *Есть, почтеннейший, в горных лесах Италии один вид дикого жасмина *Asperula odorata*: вы пройдете мимо и не заметите его, – так неказист и недушист он на ветке, но когда вы его сорвете и принесете в комнату, когда он совсем завянет, то наполняет ароматом всю комнату, – так бывает с памятью милого человека* [11. С. 162].

Последнее упоминание об итальянских событиях относится к 1862 г. В письме графини А-ни 1862 г., завершающем «Эпизод из войны черногорцев с австрийцами», словно выражена квинтэссенция всей её жизни: *Сегодня пробил первый год жизни Италии¹ и 71-й – моей. Я дряхла, руки дрожат, едва в силах держать перо; ноги отказываются служить; но Провидение сохранило мне память, чтобы я не забывала, чем была некогда дорогая Италия, что выстрадала, милая, она! Бог сохранил мне разум и сердце, чтобы я благодарила Милосердного, за то, что он воскресил ее из мертвых, что дал мне видеть единство народа и перейти туда, в жизнь другую, счастливую, успокоенной, туда где ждет меня давно мое бедное, мое сиротящее дитя, которое не раз забывала я в молитве, отдавшись безусловно и безгранично одной святой мысли, одной великой заботе. С верой в Провидение ожидаю последнего часа!* [11. С. 162].

Женские образы, связанные с идеей борьбы за право жить в свободной стране, полные самоотверженности и нашедшие своё призвание не в личном счастье, а в общем деле, – вызывают искреннее восхищение повествователя. Вероятно, именно такой могла быть судьба Елены Стаховой.

В период создания романа «Накануне» в Италии начинался подъём освободительного движения после разгрома революции 1848–1849 гг. Когда же Ковалевский работал над «Эпизодом из войны Черногорцев с австрийцами», он уже был свидетелем объединения Италии. Для него, верно-го защитника славянских народов, боровшихся за освобождение от турец-

¹ В 1861 г. возникло Королевство Италии, объединившее все независимые итальянские государства.

кого и австрийского владычества, это был пример настоящей победы единого в стремлении к свободе народа.

Таким образом, история взаимоотношений Ковалевского и Тургенева, с одной стороны, открывает важные страницы общественно-литературного развития России середины XIX в., с другой – дает материал для построения неизвестных художественно-эстетических параллелей, основанных на сопоставлении очерка-путешествия и романа в аспекте социально-политической проблематики и своеобразия авторского метода.

Список источников

1. *Примечание* редакции // Современник. 1848. № 12, отд. 2. С. 49.
2. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. М. : Наука, 1998. Т. 14. Кн. 1. 371 с.
3. Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847–1861. М. ; Л. : Academia, 1930. 491 с.
4. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М. : Наука, 1987.
5. Дружинин А.В. Повести. Дневник. М. : Наука. 1986. 512 с.
6. Фет А.А. Мои воспоминания : в 2 т. М., 1890. Т. 1. 452 с.
7. Переписка Н.А. Некрасова : в 2 т. М. : Худож. лит., 1987. Т. 1. 543 с.
8. Вальская Б.А. Путешественник Е.П. Ковалевский и петербургские литераторы (1848–1860 гг.) // Доклады Восточной Комиссии. Географическое общество СССР. Л., 1966. Вып. 3. С. 5–23.
9. Ипатова С.А. И.С. Тургенев и литфонд: у истоков благотворительности в России (1859–1862) (по архивным материалам) // Русская литература. 2018. № 3. С. 54–65.
10. Вальская Б.А. «Накануне» и «Путевые записки о славянских землях» Е.П. Ковалевского // Тургеневский сборник. Л. : Наука, 1969. Вып. 5. С. 235–238.
11. Ковалевский Е.П. Путевые заметки о славянских землях // Собр. соч. : в 6 т. [Б. м.], 2017. Т. 5. 164 с.
12. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения : в 12 т. М. : Наука, 1978–1986.
13. Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах // Собр. соч. : в 6 т. [Б. м.], 2017. Т. 4. 170 с.
14. Фет А.А. Воспоминания. М. : Директ-Медиа, 2016. 1697 с.
15. Добролюбов Н.А. Когда же придет настоящий день? // Собр. соч. : в 9 т. М. ; Л., 1960. Т. 6. С. 69–140.

References

1. Nekrasov, N.A. (ed.) (1848) Primechanie redaktsii [Editorial Note]. *Sovremennik*. 12 (2). p. 49.
2. Nekrasov, N.A. (1998) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 15 t.* [Complete works and letters: in 15 vols]. Vol. 14. Moscow: Nauka.
3. Izmaylov, N.V. et al. (1930) *Turgenev i krug "Sovremennika". Neizdannye materialy. 1847–1861* [Turgenev and the circle of *Sovremennik*. Unpublished materials. 1847–1861]. Moscow; Leningrad: Academia.
4. Turgenev, I.S. (1987) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
5. Druzhinin, A.V. (1986) *Povesti. Dnevnik* [Tales. Diary]. Moscow: Nauka.

6. Fet, A.A. (1890) *Moi vospominaniya: v 2 t.* [My memories: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow.
7. Nekrasov, N.A. (1987) *Perepiska N.A. Nekrasova: v 2 t.* [Correspondence of N.A. Nekrasov: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
8. Val'skaya, B.A. (1966) Puteshestvennik E.P. Kovalevskiy i peterburgskie literatory (1848–1860 gg.) [Traveler E.P. Kovalevsky and St. Petersburg writers (1848–1860)]. In: *Doklady Vostochnoy Komissii. Geograficheskoe Obshchestvo SSSR* [Reports of the Eastern Commission. Geographic Society of the USSR]. Vol. 3. Leningrad: [s.n.]. pp. 5–23.
9. Ipatova S.A. (2018) I.S. Turgenev and the Literary Foundation: The Emergence of Charities in Russia (1859–1862) (Based on Archival Data). *Russkaya literatura*. 3. pp. 54–65. (In Russian).
10. Val'skaya, B.A. (1969) “Nakanune” i “Putevye zapiski o slavyanskikh zemlyakh” E.P. Kovalevskogo [“On the eve” and “Travel notes about the Slavic lands” by E.P. Kovalevsky]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Turgenevskiy sbornik* [Turgenev collection]. Vol. 5. Leningrad: Nauka. pp. 235–238.
11. Kovalevskiy, E.P. (2017) Putevye zametki o slavyanskikh zemlyakh [Travel notes about the Slavic lands]. In: Kovalevskiy, E.P. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols]. Vol. 5. Priyatnaya kompaniya.
12. Turgenev, I.S. (1978-1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
13. Kovalevskiy, E.P. (2017) Voyna s Turtsiyei i razryv s zapadnymi derzhavami v 1853 i 1854 godakh [War with Turkey and the break with the Western powers in 1853 and 1854]. In: Kovalevskiy, E.P. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols]. Vol. 4. Sel'mashproekt.
14. Fet, A.A. (2016) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Direkt-Media.
15. Dobrolyubov, N.A. (1960) Kogda zhe pridet nastoyashchiy den'? [When will the real day come?]. In: Dobrolyubov, N.A. *Sobr. soch.: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: SPHF. pp. 69–140.

Информация об авторах:

Александрова Е.В. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: alexandrova.aulena@yandex.ru

Жилякова Э.М. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: emmaluk@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Aleksandrova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandrova.aulena@yandex.ru

E.M. Zhilyakova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2021;
одобрена после рецензирования 08.04.2021; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 13.03.2021;
approved after reviewing 08.04.2021; accepted for publication 22.04.2022.